

© Лондонская премия представляет писателя ©

ЛЮДМИЛА
РУЙЕ

*Душа
поэта*

Лондонская премия представляет писателя

Людмила Руйе

Душа поэта

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Руйе Л.

Душа поэта / Л. Руйе — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-907306-08-0

Только руководствуясь любовью, можно обрести гармонию в своей душе. О любви и доброте пишет в своих стихах Людмила Руйе. О любви к жизни, о восторге перед великими людьми, о сострадании к человеку. Любовь радует душу, ободряет и помогает в беде. А для тех, кто успел причинить людям зло, есть надежда на покаяние. Главная мысль книги в том, что добрым отношением друг к другу мы способны сделать мир лучше. Всем сердцем стремиться навстречу прекрасному – в этом и заключается сущность души поэта, позволяющая жить в ладу с самим собой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-08-0

© Руйе Л., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Людмила Руйе	6
Москва – Олимп России	8
Переславль-Залесский	9
Астрахань	10
Париж	11
1	11
2	12
3	13
4	14
5	15
6	16
7	17
8	18
9	19
Собор Парижской Богоматери	20
Туманный Альбион	21
Эмигранты, как русалочки	22
Саддам	23
Из цикла «Одарённые»	24
Пушкин	24
1	24
2	25
3	27
4	31
5	32
Лермонтов	35
1	35
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Людмила Руйе

Душа поэта

© Людмила Руйе, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Людмила Руйе

Детство и юность автора прошли в рабочем посёлке Кубринск, что строился на ее глазах возле торфяных болот, расположенных между Переславлем-Залесским и Троице-Сергиевой лаврой. Таинственность болот, окруженных дремучими лесами, породила страсть к сказам и преданиям. А зачарованность великолепием золочёных куполов лавры переросла в искреннюю веру в существование высшего духовного разума, оценивающего все наши поступки. После чего всем сердцем приняла девиз легендарного земляка Александра Невского, родившегося в Переславле:

Не в силе бог, а в правде.

Это изречение и служит автору жизненным ориентиром, так как не даёт забывать о том, что каждый хочет, чтобы люди были с ним честны. Поэт уверяет в стихах, что благородство не потеряло свою цену и что доброта в конечном итоге торжествует, так как располагает к себе сердца независимо от рас, религий и места жительства. И в одноимённом стихотворении Руйе заявляет:

*Франция, Россия, Аргентина –
Чувства одинаковы у всех.*

Долгое время Руйе проживала в Москве. Восторг перед грандиозными твореньями и пленяющим обаянием обитателей мегаполиса вылился в цикл ностальгических дифирамбов столице.

Философское отношение к происходящим событиям появилось благодаря двойному мировоззрению, обретённому во Франции, где сейчас она проживает. Только на расстоянии стало возможным увидеть ход истории беспристрастным взглядом.

А вот смелости идей в своих произведениях автор обязан создателю танка Т-34 Михаилу Кошкину, из рода которого происходит.

Публиковалась в альманахах: «Родники», «Юность», «Спутник», «Российский колокол». В 1996 году вышел роман «Всё не так», в 2015 издана книга стихов «Луч звезды».

Награждена медалями в конкурсах имени В. Хлебникова, А. Пушкина, М. Лермонтова. В настоящее время борется за номинацию Лондонской премии.

Член Ассоциации в поддержку русской культуры в Париже «Глагол» и кандидат в члены ИСП.

Москва – Олимп России

Москва – Олимп России,
Санкт-Петербург – Парнас,
Здесь в вечность вклад вносили
Мудрейшие из нас.

Солнце поднимается
Со стороны Мытищ,
Сюжеты навеваются
Романов, сказок, притч.

Березы, словно нимфы,
Танцуют меж домов
И навевают рифмы
Для будущих стихов.

Переславль-Залесский

Славный город Переславль-Залесский,
Золотые рыбки на гербе,
Александр у нас родился Невский,
Победивший в битве на Неве.

Тут сходила на воду «Фортуна»,
Что построил сам Великий Петр,
И с благословения Нептуна
Появился первый русский флот.

Кошкин Михаил отсюда родом.
Его быстрый танк легендой стал,
До Берлина он дойдя с народом,
Заслужил героя пьедестал.

Преданьем старины пропитаны
Лесом окружённые места,
Синь-камня еще не испытаны
Силы чудесные до конца.

Сошла тут, в царстве Берендееве,
На Снегурочку и Мизгиря
Любовь на озере Плещееве,
Здесь того ж теперь ищу и я.

Астрахань

Встреча поэтов кажется знаковой
В городе, где загорелся талант
Примадонн Милашкиной, Максаковой,
И будет Астрахань тому гарант,

Что отыщутся здесь гении снова,
Способные на весь мир заявить,
Как две звезды сопрано из Большого,
То, что искусство вечно будет жить.

Вот энергия искромётная –
Надежды Бабкиной тому пример,
Атмосфера счастья беззаботная
Вокруг царит без границ и без мер.

Я у Заворотнюк Анастасии
Весёлый нрав хотела б перенять,
Чтобы радость стихи приносили
И гармонию могли создавать.

А ещё бы у Дмитрия Дюжева
Перевоплощения взяла дар,
Чтобы из наброска неуклюжего
Рождался стих, что разум поражал.

Чтобы рутина рифмам не мешала,
Пускай благословит меня кумир,
Председатель всего земного шара
И новатор Хлебников Велимир.

Соединяю я время с пространством,
Выходит, как и он, космополит,
Душа моя не за равенство с братством –
За правду слова всё время болит.

О чём бы в будущем я ни мечтала,
Но буду Астрахань благодарить
За то, что стартовой площадкой стала
И помогла мечту осуществить.

Париж

1

По телевизору неинтересно
Стало на жизнь со стороны смотреть.
Хотим Париж увидеть, как известно,
Потом не страшно даже умереть.

И вот проверить это я решилась,
И только предо мной предстал Париж,
Во времени как будто растворилась,
Здесь в эпицентре всех времён стоишь.

Не уставая, бродишь тут часами.
Округлы площади, как солнца круг,
Отходят улицы от них лучами,
Свернёшь и прошлый век увидишь вдруг.

Чувств благородство лишь имеет цену
В сумбурном столкновении времён.
И по ночам выходят здесь на сцену
Легенд герои, в коих мир влюблён.

2

В соборе Парижской Богоматери
Видятся всюду герои Дюма,
Здесь Средневековья обитатели
Переживают драму Горбуна,

С ужасающим лицом рождённого,
Способного лишь жалость вызывать,
И к тому ж в красавицу влюблённого,
За чью улыбку жизнь готов отдать.

Рядом с горгульями и химерами
Мелькает неказистый силуэт,
Рвётся сердце его между верами,
Не находя на дилемму ответ.

Верность хранить долг велит отцу Фролло,
Он спас его в детстве и приютил.
Но вспоминается девушка снова,
Что напоила, когда был без сил.

Он у любви и у долга во власти,
Каждый из них покорил добротой,
Только священник от пагубной страсти
Как будто бы стал теперь сам не свой.

Отвергла Эсмеральда отца Фролло,
За это он её на смерть обрёл,
Влюблённый звонарь поступка такого
Спасителю даже простить не смог.

И когда понял священника козни,
То со стены в отчаянье столкнул.
С тех самых пор стоит на колокольне
Из дальних веков отдалённый гул.

От звона вздрогнув вдруг «Эммануэля»,
Готов идти к духовному отцу,
В необходимость исповеди веря,
Желаешь душу ты открыть Творцу.

О собственных грехах приходят мысли
Перед вратами «Страшного суда»,
Невольно думаешь о жизни смысле,
И после смерти попадёшь куда?

3

Историю простого человека
Так описать талант французам дан,
Что место, где тот жил, начнёт, как Мекка,
Людей притягивать из разных стран.

Под силу всё шагреновой здесь коже,
Лишь сделку с дьяволом ты заключи.
Но тут поймёшь, что жизнь менять негоже,
На от ларца с сокровищем ключи.

Исполнить чтоб заветное желанье,
Готовы душу чёрту заложить,
Забыв, что ожидает наказание,
За выбор дерзкий демонам служить.

Сокращаясь от желанья любого,
Даже если это воды глоток,
Шагреновая кожа станет скоро
Величиной с осиновый листок.

Тогда об одном мечтать станешь только:
Чтоб никогда ничего не желать.
Осознавать будет больно и горько,
Что жизни ход повернуть нельзя вспять.

4

Жюльен Сорель, здесь делая карьеру,
Решился прошлое своё забыть,
Но перед смертью вновь обрёл он веру,
Ради любви что стоит только жить.

Решив, что в высшем свете всё возможно,
Мадам Ренар старался позабыть,
Чтобы карьеру сделать было можно
Тем, что маркиза дочь обворожить.

Мадам в отчаянье письмо послала
О замысле коварном жениха,
И вот того, без чьей любви страдала,
На смерть за покушение обрекла.

В храме в пасхальное воскресенье,
Во время службы он в неё стрелял.
Смерти ожидая в заточении,
Что лишь её любил, вдруг осознал.

Открылась истина пред самой казнью,
Зачем нам жизнь всем на земле дана,
Он понял, что является лишь частью
Пути для восхождения в рай она...

5

Чем блуждаешь дольше здесь в безопасности,
Тем город фантастичнее вокруг.
Тут Мопассан затерялся в вечности,
Когда роман закончил «Милый друг».

Его герой, идя на компромиссы,
Стал очень быстро значимым лицом,
Решив, что все актёры и актрисы,
Лгут перед женщиной, другом, Творцом.

Использовать стал дар свой обольщенья,
По головам людей идя наверх,
Тогда внушать он стал всем отвращенье,
И самого не радовал успех.

Приводит ведь к душевному разладу
Жизнь с тем, к кому расположенья нет,
И предпочтенье отдаёшь уж аду,
Чем страсть изображать под звон монет...

6

Этого города в том гениальность,
Что все легенды в себе он хранит.
Времён здесь перепутана реальность,
Поэта вымысел и прототип.

Кто же была «Дама с камелиями»?
Маргарет Готье? Мари Дюплесси?
Иль драгоценными ожерельями
Осыпали Альфонсину Плесси?

Это теперь уже совсем не важно.
Важно, что видели в ней не порок,
А женщину, принявшую отважно
Вызов судьбы, похожей на злой рок.

Великодушная царица бала,
Она умела вызывать восторг,
И вот Париж, когда её не стало,
Скрыть о несчастной деве скорбь не смог.

«Их ум логике неподдающийся, –
Чарльз Диккенс так сказал про парижан. –
Умер не политик выдающийся,
И не герой войны от тяжких ран.

Оплакивают смерть они кокетки,
Что силы растеряла на балах,
Как мотылёк сгорела от чахотки», –
Недоуменье слышалось в словах.

«Я женщин лёгкого поведения
Любить не могу, – Франц Лист говорил, –
Но Дюплесси была исключение,
С доброй душой её бог сотворил.

Во мне, когда её я вспоминаю,
Романтичная музыка звучит,
И мыслями в античности витаю,
Где нимфой надо мной Мари парит».

Звезда её сияла очень ярко,
Сорвавшись с неба, к гибели летя,
Сжечь душу, сердце было ей не жалко,
Их пламенем как факелом светя...

7

Сказал приемной дочери Козетте
Здесь бывший каторжник и вор Вальжан:
«За тех, кто с нами рядом, мы в ответе,
А то, что отдадим, послужит нам».

Когда-то отдал ему подсвечники
Священник, чтоб тот избежал тюрьмы,
Понял Жан тогда, что могут грешники
Раскаяться и будут прощены.

С ним перемена странная случилась –
Отдал вместо того, чтоб отобрать.
Сторицей это вскоре окупилось,
С тех пор Вальжан стал людям помогать.

Его спасла в благое дело вера.
Народа уваженье заслужил
И избран вскоре был на должность мэра.
С тех пор с самим собой в ладу он жил...

8

В Бельвилле, бедном парижском квартале,
Пела девчонка худая Пиаф.
Слушая, люди часами стояли,
Чудо великое в ней распознав.

Голоса высокое напряженье
До глубины души могло достать,
К «Олимпии» началось восхождение,
Где сумела непревзойдённой стать.

Играл на сердца собственного струнах
На стадионе Джонни Холлидей,
Нас унося всех на пиратских шхунах
В безбрежный океан людских страстей...

Что чудо в наше время существует,
Мне центр концертный «Берси» показал.
Казалось, небо ангела дарует
По имени Грегори Ламаршаль.

Преображал любую песню голос
Неслыханно высокой чистоты,
Астральное с земным будто боролось,
С галактикою наводя мосты.

Доверчиво раскрыл пред нами душу
Космической какой-то красоты,
И стало стыдно от того, что трушу
Мирской оставить путы суеты

И, из земного выйдя притяженья,
Высокому искусству послужить,
От неба получая вдохновенье,
На благо душ мятущихся творить.

9

Едут сюда по велению сердца,
Пропитан романтикой весь Париж,
В духовный мир открывается дверца,
На крыльях Пегаса словно паришь.

И в отверженном каторжнике бывшем,
Даже через уродства Горбуна,
И в куртизанке в ярком платье пышном
Здесь видишь душу, что Богом дана...

Аромат расцветавшей гортензии,
Улыбки людей ночного кафе
Вдруг пробудили музу поэзии,
Запечатлелись чтоб чувства в строфе.

Рядом речь слышалась французская:
«И я обожаю стихи писать,
Вы, мадам, по-видимому, русская,
А я бы мог Париж вам показать».

Хочу, чтоб оказался из народа
Учтивый, романтичный кавалер,
Чтоб, как Вальжан, Сорель и Квзимодо,
Он сердце благородное имел,

И если ради выгоды и мести,
Запретную не перейдет черту,
То значит удостоена я чести
Увидеть наяву свою мечту.

Собор Парижской Богоматери

В собор Парижской Богоматери
Круглый год идёт народ,
Эсмеральда сидит на паперти,
Квазимодо стоит у ворот.

Словно кто-то навёл на вас порчу,
Нищий горбун, мой бедный собрат,
На улице Москва дремлешь ночью
Иль на лавке в метро «Сталинград»?

А ты, танцовщица-красавица,
Ждёшь всё принца на белом коне,
Что над бедной девушкой сжалится,
Возьмёт замуж и даст все «pariers»?

Ваши глаза кричат мне при встрече:
– Мы такие ж, как ты! Помоги!
В горле ком и теряю дар речи,
Лучше б спину мне жгли батоги!

Католический храм и «Агора»,
«Ресторан от сердца», «Красный крест»,
Грустные взгляды из-за забора,
Здесь народ без документов ест.

В жизни вам не везёт слишком долго,
Подождите, вот книгу издам,
Дом построю на улице Волга,
Под фойе вам, бездомным, отдам.

Туманный Альбион

Тик-так, тик-так тикает Биг-Бен,
Пришло время уходить из детства.
Знает только мальчик Питер Пэн,
Как детьми нам оставаться средство.

Если в зеркалах задор исчез,
Грустные глядят оттуда лица,
В зазеркальную Страну чудес
Отведёт нас девочка Алиса.

Жизни нашей дни мчат всё быстрее,
И о прошлом всяк уже жалеет.
Только капитан Джек Воробей
Время вспять повернуть сумеет.

В Букингемском изящном дворце,
В голубом туманном Альбионе
Можно нам увидеть на крыльце
Даму благородную в короне.

Раз на свете королева есть,
То и сказки значит существуют,
Их персонажи, конечно, здесь
На балах вечерами танцуют.

Вымышленный и реальный мир
Так тесно тут переплетаются,
Что Байрон, Диккенс, Скотт и Шекспир
Среди прохожих нам встречаются.

Одухотворённость в лицах их
Рассмотреть хотим повнимательней,
И вот уже и у нас самих
Улыбки сияют мечтателей.

Как называется та страна,
Где обитают герои сказок?
Вам не составит ответ труда
После моих несложных подсказок.

Отвечайте ж скорей на вопрос,
Не бывало проще задания.
Страна наших мечтаний и грёз,
Конечно – Великобритания.

Эмигранты, как русалочки

У Русалочки голос отняли,
Боль в ногах ещё можно терпеть,
Человеческий облик придали,
Только песен ей больше не петь.

Рассказать о любви невозможно,
Отдал принц предпочтенье другой,
Боль в ногах ей терпеть ещё можно,
Но не стать уж самою собой.

Вот и русские мы, эмигранты,
Как русалочки, молча глядим,
И не выразить здесь нам таланты,
Не сказать, что любить вас хотим.

Юмор фольклорный вам непонятен,
Остроумием здесь не блеснуть.
На чужом языке так невнятен
Шуток смысл, что теряется суть.

Проявляете к нам вы терпимость.
Ну, а мы из страны, где в любви
Силы черпают, сердце чтоб билось,
Созидать и творить чтоб могли.

Чтоб раскрылась душа перед вами
И с собою в ладу могли жить,
Нужно только, чтобы позволяли
От всего сердца нам вас любить.

Саддам

Спрашивал африканец-сосед,
Из какой страны я буду родом.
И воскликнул, услышав ответ:
– Восхищаюсь я вашим народом!

Удивилась: «Вот так поворот!
У людей наших скромный достаток,
Как и в Африке, много забот,
А от стран других сколько нападок.

Что же здесь может вызвать восторг?»
– То, что стране самой влиятельной
Не боитесь вставать поперёк,
Мешая миссии карательной.

Знаток в политике небольшой,
Но знаю, что нет такого права –
Того, кто руководит страной,
Унижать пред миром, как Саддама.

От стыда сгораю до сих пор,
Как увидел по телевизору
Причинённый предсмертный позор
Страны всенародному лидеру.

Я не знаю, виноват Саддам,
Чем другие – меньше или больше,
Но тот жалкий имидж, что был дан,
Я смотреть не мог секунды дольше.

Кто бы ни находился тогда
В тёмном подвале на его месте,
Не смогу уважать никогда
Тех, кто унижает ради мести.

Безмерное уваженье стране,
Что противостоит этой силе,
Не даёт развязаться войне,
Гарантирует мир во всём мире.

Из цикла «Одарённые»

Пушкин

1

В детстве увальнем был, не резвился,
Избегал он всех детских утех.
Круг домашний его стыдился,
Смуглым был, непохожим на всех.

А в лицее вдруг стал он вертлявым,
Мог вскочить на стол одним прыжком,
Среди друзей прослыл забавным малым,
Они прозвали его Сверчком.

Темперамент арапский горячий
С русским бесшабашным озорством
В жизни стали для него удачей,
В карман не лез за красным словцом.

К тридцати решил остепениться,
Положенья в обществе достичь,
Нужно было для того жениться,
Радость жизни семейной постичь.

Отказала в руке Оленина.
Гончарова согласие дала,

Но любила, ждала и верила
Екатерина Лопухина.

Спела Таня «Что во поле пыльно»,
Когда в Яр перед свадьбой забрёл.
Тут вдруг он разрыдался так сильно,
Что, не вымолвив слова, ушёл.

От резких жениха движений
Полетели на пол алтаря
Крест, кольцо и даже Евангелий,
А потом погасла и свеча.

Так как был он очень суеверный,
В том несчастье сумел разглядеть,
Был уверен, что знак этот скверный
Предвещал его скорую смерть.

2

Словно случилось преображенье –
Из хорошенькой юной жены
Превратилась, как будто явленье,
Став прекрасной дамой, Натали.

Возвышенная одухотворённость
Засияла на строгом лице,
И кружила головы влюблённость,
На балах мужчинам во дворце.

И понесла страстей лихорадка
Всех в стремительный водоворот
Туда, где в поступках порядка
И здравый смысл никто не найдёт.

Он любил её не как музу,
Она стала для него семьёй,
Если мать в нём видела обузу,
То с женой мог быть самым собой.

И смотреть было невыносимо,
Как кто-то дерзкий и молодой,
Чья расцветает лишь только сила,
Ходит тенью за его женой.

Его пугала теперь в ней живость,
А при встрече с бароном конфуз,

Мнение в свете уже сложилось,
Что добьётся своего француз.

Когда взгляд любимой женщины
Выражает другому восторг,
Рвётся надвое сердце от трещины,
И уходит земля из-под ног.

Ему было теперь очень страшно,
Что разрушиться может семья,
Защитить её рвался отважно,
Ни врагов не щадя, ни себя.

Душевной не мог простить обиды,
Слишком рана была глубока,
В будущем не видел перспективы,
Не наказан был смутьян пока.

Обидчика убить нужно было –
Только отмщенья желала душа!
Пуля Дантеса опередила,
Бедро раздробив, в живот вошла,

Когда на снег поэт опустился,
Спеша, противник пошёл к нему,
Но тот крикнул, чтоб он становился
Обратно к барьеру своему.

Оставлять не желая так дело,
Лёжа на снегу, нажал курок,
Но от пуговицы отлетела
Пуля, вызвав болевой шок.

Вырвался крик облегчения,
Когда рухнул на сугроб позёр,
Был доволен, что воздал отмщенье,
Кровью смыв с семьи своей позор.

Но судьба всегда благоволила
К тому, кто мира только искал,
Потому Дантеса пощадила,
Что смерти Пушкину не желал.

Только поэт не хотел смиряться
Увидев, что противник встаёт,
Крикнул: «До тех пор мы будем драться,
Пока один из нас не умрёт!»

Не смогла помочь Муза поэту

Избежать злой участи своей,
Ибо прощать согласно Завету
Нужно раскаявшихся людей.

Был так зол, что желал врагу смерти,
Помогать в этом бог не велит,
И в завертевшейся круговерти
Он же обидчиком был убит,

Как в повести, закончилась драма,
На месте, где выпасть должен туз,
Оказалась пиковая дама.
Виноват злой рок, а не француз.

3

Не тронуло только Полетику
Истинное горе всей страны,
Она продолжала полемику
Даже и у надгробной плиты:

– Говорите поэт был отличный,
Ну, а мною он не был любим.
На мой взгляд, эгоцентрист обычный,
В дерзких выходках невыносим.

Мрачностью поэмы угнетают,
На душе оставляя печаль.
Персонажи в конце умирают,
И до слёз их становится жаль.

Не добился Лариной Онегин,
Герман сходит от горя с ума,
Моцарта убивает Сальери,
Пиковая Дама умерла,

Командор погубил Дон Жуана,
Злодеем выставлен Годунов,
Погибает Сильвио бездарно,
В клетке едет на казнь Пугачёв.

Шансов героям не оставляет
Уцелеть или смыть свой позор,
Дама с косой рассказ завершает
Или кровавых мальчиков хор.

Молву сочтя за основание,

Прототипу вину мог вменить,
И его, не проведя дознанья,
Убийцей в драме изобразить.

В поэмах уверял, что гений –
Кто угодно, только не злодей,
Отступив от этих убеждений,
Сам изменил ход судьбы своей.

Что на творца дают проекцию
Его произведенья искусств
И вносят в ход судьбы коррекцию,
Говорил философ Златоуст.

В молодости кажется забавным
Над почётным мужем взять реванш,
Сих интриг приверженцем был рьяным
И поэт обожаемый ваш.

Кажется для молодых забавой
Дружбы отношенья завести
С уважаемой замужней дамой
И таинственности тень внести.

Заигрывать с чужими жёнами
Он с лица ещё обожал
И над мужьями-«Командорами»
Потешался, как и Дон Жуан.

Будучи как бы с ними друзьями,
Не считал зазорным флиртовать,
Конфликт с возмущёнными мужьями
Помогал всегда кто-то замять.

Легко сходилась и расставался,
Не печалась, что чья-то жена.
В роли мужа когда оказался,
Понял, как честь семьи дорога.

Ведь угрызений совести боли
Не чувствовал, а только задор,
Когда он сам в Дон Жуана роли
В другие семьи вносил раздор.

И в инциденте с губернатором
Этот несдержанный ловелас
Был ревности сцен провокатором,
Из-за чего покинул Кавказ.

Говорил он в своё оправданье
То, что каяться не в чем ему,
Что должен муж уделять вниманье
Чуть больше семейству своему.

«Не суди да не судимым будешь, –
Говорил ученикам Христос, –
Несправедливо если осудишь,
Из той же чаши сам отопьёшь».

Что сам посеешь, как говорится,
То в скором времени и пожнёшь,
И не надо над людьми глумиться,
Тогда долгую жизнь проживёшь.

Отжили старшие, казалось,
Должны дорогу дать молодым,
За тщеславье платят, оказалось,
Разочарованием двойным.

Юность пролетела как мгновенье,
И поредел ореол кудрей,
У самого теперь ощущение,
Что в числе осмеянных мужей.

Теперь, когда самого коснулось,
О флирте жены прошла молва,
Всё внутри него содрогнулось,
Голову затмила месть одна.

В прочности семьи засомневавшись,
Дилетантом себя вдруг повёл,
Со всем миром он в прах разругавшись,
До дуэли конфликт тот довёл.

В чём он мог обвинить Дантеса?
В том, что кудри у того густы,
А он уже не тот повеса,
Что из-под венца мог увести.

Совсем потерял хладнокровие
Он в желанье юнца проучить
И поставил одно условие:
Смерть лишь может дуэль прекратить!

В главной заповеди говорится:
Никогда никому не желай
Того, что с тобой может случиться,
Лучше с прощением отпускай.

Барон заступился за сына,
Нет на коем вины никакой,
Сестра Натали, Екатерина,
Должна была его стать женой.

Хоть Дантес принёс извинения
И загладить пытался вину,
Не дал Пушкин ему прощения,
Намереваясь мстить за жену.

И даже брак на Екатерине
Замять дуэли никак не мог,
Сделал их, как в «Выстреле», отныне
Врагами заклятыми злой рок.

По африканскому обычаю
Титул вождя племени терял,
Став насмешников злых добычею,
Тот, кто отпор достойный не дал.

Не хватило русского терпенья
Разобраться: где правда, где ложь.
Не меняет молва наше мнение,
Нас на домысле не проведёшь.

Он, мужа оскорблённого ролью
Не желая высший свет смешить,
Решает с имени позор кровью
На дуэли с обидчиком смыть.

И ответил на просьбу о мире,
Жаждой мщенья горя: «Никогда!»
Канула тогда в морской пучине
Рыбка золотая навсегда.

Не могли уйти оба живыми.
Выбор был: убить иль жертвой стать,
Перед условиями такими
Что уж тут виноватых искать.

Без сомнения, провидением
Сей поэт не зря наказан был,
Так как он своим поведением
Много добрых людей оскорбил.

Даже сказал, что жалеть не надо,
Грибоедов убит был когда,
Жизнь его была, мол, как отрада,

Сам посол и прекрасна жена.

Все мечтают только лишь об этом:
Чтоб успешным в службе таким быть,
Да к тому же известным поэтом
И княжну грузинскую любить.

4

Помню, были и мои сужденья
Ужасно дерзкими в двадцать лет,
Когда высказывала мнение
О том, о чём представленья нет,

Тогда по первому впечатленью
Не боялась оценки давать,
Конца не было изумлению
Своей дерзости лет через пять.

Прозорливостью мы не владеем,
И когда изменяем свой взгляд,
О сказанном в спешке сожалеем,
Но уже не вернуть слов назад.

Всё течёт и всё изменяется,
И только мудрость спасает нас,
Что возможность даёт исправиться,
Чтобы с миром поладить был шанс.

И возможно вины искупленье,
Если заблужденье осознать.
Но будет поздно просить прощенья,
Коль ляжет Каинова печать.

Когда с годами приходит мудрость,
О словах своих будешь жалеть,
Об умершем не скажешь уж глупость,
Что не надо о нём нам скорбеть.

И не в шутку заболевший дядя
Не будет раздражать тебя
За то, что смерти в глаза уж глядя,
Уважать всех заставил себя.

Полетика увидела монстра
В том, кого уже весь мир любил,
Объясняется всё это просто:

Видно, здорово ей насолил.

Можно в каждом найти плохое,
Стоит только очень захотеть,
И уже светлое и большое
Начинает немного смердеть.

Быть хорошим для всех невозможно,
Осуществляя мечту свою.
Задетый в спешке неосторожно
Превращается в кару твою.

5

Судить о поэте беспристрастно
Может лишь равный ему во всём,
Не теряя времени напрасно,
Классика в эксперты призовём.

О Пушкине сказал Достоевский,
Что тайну русской души б открыл,
Если б только оставил мир светский
И где-нибудь в тишине творил.

Озорной, весёлый, шаловливый,
В любое общество вносил задор,
Стиль в стихах изящный и игривый
Во всём мире произвёл фурор.

В детстве мы без рыбки говорящей
Не умели просто засыпать,
А без сказки о царевне спящей
Научиться не могли б мечтать.

Развесёлая русская удаль
С африканской мистикой в крови
Сделали рифму настолько чудной,
Что никто не сумел превзойти.

Под пером великого гения
Всё, что вниманье его привлекло,
Перевоплощалось в творение,
Что в вечности запечатлено.

В излишней резвости чуть-чуть странен,
Проказник, позёр и ловелас,
Но признавал даже сам Державин

То, что укрощён им был Пегас,

Признан был он как глашатай правды
И новаторских дерзких идей,
Юноша, носивший бакенбарды
В ореоле изящных кудрей.

Много было чудесных мгновений,
Насладился он ими сполна,
Но не сумел понять даже гений,
То, что жизнь у нас только одна.

Обращаться с нею как с находкой
Должен каждый, а не рисковать,
Чтобы не была она короткой,
Мудрость в советчики призывать.

И казалась жизнь калейдоскопом,
Сменой чувств, желаний и страстей.
Шёл аллюром, рысью и галопом,
На дыбы поднимая коней.

Играл он ею с таким азартом,
Что бретёров даже удивлял,
И сльвя в свете ветреным франтом,
К ногам красавиц её бросал.

Одарив уникальным талантом,
Господь в спутницы дал существо,
Что стала счастья семьи гарантом,
Раскрыв пред ним любви волшебство.

Натали была как Галатея,
Что создал мастер Пигмалион,
В высший свет вошла она робея,
И был очарован ею он.

Появившись в придворном обществе
С тем, кто в поэзии был как бог,
Равных не было кому в творчестве,
Она видела в лицах восторг.

Тот фурор вызывала, казалось,
Её несравненная красота,
А публика уж тем восторгалась,
Что гением любима она.

Как строки стихов его поражали
Разум людской, сотни мыслей будя,

Так мужские сердца трепетали
Образ девы прекрасной любя.

Всё то, что семьи его касалось,
Как реликвию оберегал,
Окружающим не зря казалось,
Что жену как чудо обожал.

Как же вышла эта трагедия?
Соблазн красотой очень велик,
Но недостижимость гения
Рождает много тоже интриг.

А он оценил выше искусства
К земной женщине свою любовь,
Ради этого яркого чувства
Рисковать готов был вновь и вновь.

Все мы мечтаем, чтоб нас любили,
Чтоб жизнь провести с кем-то вдвоём,
Как Руслан на поиски Людмилы,
На опасность несмотря, идём.

В юности без «чудного мгновенья»
Никому из нас не обойтись,
На всю жизнь осталось вдохновенье,
В первый раз хотя и обожглись.

Потом в Германе иль Дон Жуане
В зрелости себя мы узнаём,
Когда вдруг во власть к Пиковой Даме
Или к Командору попадём.

Как Онегин, когда понимаем,
Что прошли мимо любви своей,
То простить всем сердцем умоляем,
Но былых уж не вернуть страстей.

Снисходило свыше вдохновенье
К баловню удачливой судьбы,
В вечность мог он превращать мгновенья,
Речь коль заходила о любви.

В его стихах ни тоски, ни горя,
Жизнь настоящая течёт в них.
В том и была для нас его воля,
Чтоб берегли мы близких своих.

Лермонтов

1

Офицер с лицом иконописным.
Фрау Кирхгоф ладонь подаёт.
Отблеск свеч на шаре серебряном
Свет на то, что ждёт, сейчас прольёт.

Расправились на лице морщины,
В глазах вещуньи сотни огней.
Мелькнула улыбка у мужчины
В ожидании добрых вестей:

– Что, скажи, грядёт моя отставка?
Время стихам смогу посвящать?
– Ничего, – отвечала гадалка, –
Ты не сможешь больше написать.

Ждёт, поручик, отставка такая,
Где выглядеть будет суетой
Неугомонная жизнь земная.
Обретёшь ты там вечный покой.

За то, что винил в смерти поэта
В дерзком стихе самого царя,
Отстранён от двора ты за это
И надеешься на милость зря.

В свете стал ты лишним человеком,
С болью в сердце едешь на Кавказ
Грудь под пули подставляя абрекам,
Ждёт опасность не там на сей раз.

Должен ты бояться не черкеса,
А того, кто как ты – светский фронт.
Станет для него, как для Дантеса,
Камнем преткновения талант.

Больше в Петербург уж не вернёшься,
Ход судьбы не изменить, поверь.
С тем, над кем частенько ты смеёшься,
Будет в скором времени дуэль...

2

Пришла депеша из Пятигорска –
О кончине Лермонтова весть.
Царь, с непосредственностью подростка,
Вскрикнул: «Собаке – собачья смерть!»

Глаза в пол опустили вельможи,
Мёртвая настала тишина.
– На себя сейчас вы не похожи, –
Побледнев, произнесла жена,

Предложила вместе удалиться
Для объяснения в кабинет,
Там сказала: «Россия гордиться
Будет поэтом чрез сотни лет!»

– Но он покрыл моё имя срамом, –
Государь в сердцах ей возразил, –
Для потомков прослыву тираном,
Хотя дорог и мне Пушкин был!

При Павле звенел бы кандалами
За оскорбленье царской семьи,
При Иване Грозном батогами
Иль плетью б смутьяна засекли.

Тот, кто места своего не помнит,
И почтенья не питает к нам,
Кусая руку, что его кормит,
Он – как библейский насмешник Хам,

Не уважавший отца родного,
Смеявшийся всё время над ним,
Стал он первым изгнанным из дома,
Вот и Лермонтов ваш был таким.

Пушкина я обожал творенья,
До сих пор во мне утраты боль,
Без божественных строф откровенья
Стала душа моя сиротой.

Ко дворцу я сам его представил
И журнал повелел разрешить.
А Лермонтов в вину мне поставил,
Что не смог драму предотвратить.

Бросил безжалостно оскорбленье,
Будто перчатку швырнул в лицо!
– Было косвенным то обвиненье,
Думал, с обществом вы заодно.

Лично вас не хотел он обидеть,
Когда стих тот опальный писал,
Ничего не мог от горя видеть,
Против света, как Демон, восстал.

Ведь слово вылетит – не поймаетшь,
В сердцах гневаться можешь на всех,
А когда подробности узнаешь,

Понимаешь, что винил не тех.

От гнева и вы не в себе были,
Когда слали его на Кавказ,
И тем самым Россию лишили,
Гения, что прославил бы нас.

Не пристало накладывать вето
На тот стих, что порок обличил,
Обсудить нужно было с ним это,
Слишком молод ещё ведь он был,

Чтобы, не впадая в категоричность,
Влиянью не поддавшись страстей,
Не задеть злым словом чью-то личность,
Во врага превратив из друзей.

– Государыня, и я был молод,
Но отца не смел критиковать,
Вход во взрослую жизнь ведь не повод,
Чтобы на свой лад весь мир менять.

Коль владеешь рифмой, то негоже
Души ранимость не брать в расчёт,
А ваш гений не давал, похоже,
Силе обличения отчёт.

Можно убить словами своими,
Коль чувством такта не наделён.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.